Тост за набор

Сергей Женовач: «Одно из качеств режиссера – лидерство»

Независимая. — 2003-29 апр. — с. 6

Марина Перелешина

В Москве на минувшей неделе начался фестиваль, посвященный 10-летию «Мастерской П.Фоменко». В эти дни появилась уникальная возможность увидеть спектакли, которыми начинался театр, спектакли, специально восстановленные для этого фестиваля. Среди таких – «Владимир III степени» Сергея Женовача, профессора кафедры режиссуры РАТИ (ГИТИС), которому Петр Фоменко передал свою мастерскую.

– Поскольку «Мастерская Петра Фоменко» рождалась на твоих глазах и при твоём участии, поделись секретом, расскажи, как может и как должен складываться театр?

– Мне кажется правильным и естественным, когда театральные организмы возникают во время учебы, когда люди чувствуют внутреннюю потребность быть вместе, что-то пробовать, когда доставляет удовольствие и радость вместе двигаться, учиться, сочинять. Об этом мечтают почти все педагоги. Еще очень важен набор. Когда мы все вместе собираемся, Евгений Борисович Каменькович всегда произносит первый тост за набор этого года. Кого наберешь, того и выпустишь. Конечно, большую роль сыграла личность Петра Наумовича, то, что он собрал вокруг себя именно такую группу педагогов, команду. У нас всегда была атмосфера взаимного восхищения, когда нам нравится то, что делают ребята, а ребятам нравится то, что им предлагают педагоги. Когда возникает такая атмосфера радости, влюбленности друг в друга, тогда ты начинаешь прыгать выше тех возможностей, которые в тебе заложены. Должна быть атмосфера учебы: мы учимся у ребят, ребята учатся у нас. У нас замечательная команда педагогов. Этим ребятам повезло, потому что помимо наших мастеров с ними работали и другие замечательные педагоги: Сусанна Павловна Серова, Вера Петровна Камышниковна, Алла Михайловна Сигалова...

– Но не все же курсы Петра Наумовича стали театрами.

Именно на базе этого курса все возникло.

– Это никогда не планируется. У нас все как-то само по себе возникло. Спектакли возникали уже со второго курса. Первой была "Двенадцатая ночь" Евгения Борисовича Каменьковича. Затем появились и другие: "Владимир III степени", работа Вани Поповски "Приключение", "Волки и овцы", которые затеяла наша китайская студентка, спектакль "Шум и ярость" по Фолкнеру, где мы соединились с Щукинским училищем, и у нас произошло приобретение Кирилла Пирогова, который остался в театре. Так сложилось, что им вместе было интересней и вместе они могли сделать больше, чем сделали бы поодиночке.

Мне кажется, театр возникает только там, где возникает содружество людей. Должны быть

большом пространстве. Когда мы перешли в Театр на Малой Бронной, спектакль уже трудно было перенести на другую сцену, потому что он "замешивался" в студии. К тому же со временем возникает вкус к хорошим артистам, к великой драматургии, ты ее начинаешь чувствовать, и хочешь этим поделиться, выразить в пространстве, в ритме, во времени. Так же возникает чувство сцены. Это невероятное счастье, когда ты можешь работать на каких-то энергетически интересных и замечательных площадках. Мне посчастливилось, я делал спектакль "Дикая утка" Ибсена в Норвегии в том театре, где Ибсен был завлитом, и там была премьера "Дикой утки". Не могу это объяснить, но такое ощущение, что то, что было много лет назад, в этом пространстве живет, существует. На каждой площадке есть свои вол-

сто объяснимся в любви своему прошлому, тому, что мы делали, а дальше зритель проверит, живой этот спектакль или нет.

– Но актеры уже другие. Надо ли что-то перестраивать?

– Там уже перестроить ничего невозможно, потому что акцентны будут другие. Театр – это искусство живое, ежесекундное. Естественно, тогда они были девочками и мальчиками, теперь – уже мамы и папы. Но, мне кажется, специально этим озадачиваться не нужно, оно само возникнет. Каждая интонация, каждая мизансцена настолько уже отточена временем, интересно просто поиграть в этом, похулиганить, вспомнить озорную молодость. "Двенадцатая ночь" полностью была замешена на импровизации, на игре, на хулиганстве.

– Можно ли не работать в театре и при этом быть хорошим педагогом театрального вуза?

– Это опять-таки очень индивидуальный вопрос. Педагогика – это не столько профессия, сколько эмоциональное состояние, когда есть потребность все время возвращаться к основам основ, когда хочется самому продолжать учиться. Это ведь только кажется, что педагоги все время обучают, на самом деле ты все время учишься у тех людей, которые приходят на курс. Конечно, если ты не чувствуешь современного театра, не чувствуешь сегодняшнего времени, это большая проблема и беда. Что касается режиссерского факультета, мне кажется, что преподавать должны действующие режиссеры, это просто мое убеждение. Если человек не работает с артистами, если он не чувствует сегодняшнего зрителя, не чувствует театра, – как можно обучать режиссуре? Иначе в актерской профессии. Бывает, что у артистов судьба складывается не очень удачно, а педагоги они замечательные. Бывает, что люди просто от одиночества, от неостребованности приходят в актерскую педагогику, которым важно самим сдать экзамен. Когда получается, что не столько студенты сдают экзамен, сколько педагоги, что неверно. Хотя в учебе иногда отрицательный опыт и неудача важнее, чем удача. ■

Сегодня интересно просто похулиганить, вспомнить озорную молодость

и театры-дома, должны быть и академические театры. Но я уверен, что интересные театральные идеи все-таки возникают, когда поколение собирается вместе, когда люди чувствуют друг друга, чувствуют то, что вокруг происходит, и ищут такой способ выражения, который только им присущ. Не случайно у нас на режиссерском факультете есть такая практика, что молодые режиссеры первые свои работы делают именно в институте, именно здесь возникает группа людей одной группы крови.

– Ты когда-то говорил, что любишь небольшое пространство, но в Малом театре ты сделал две очень удачные постановки.

– У меня не было страха перед большой сценой. Первые свои работы я делал как раз на большой сцене в Краснодаре, откуда я родом, и на сцене ГИТИСа. Допустим, в студии "Человек" спектакли рождались именно в не-

шебные точки, свои законы: либо эта сцена тебя выпускает, либо не выпускает. Она же корректирует тот замысел, который в тебе существует. Может быть, это уже приходит с годами, когда хочется не бороться с пространством, не преодолевать его, а идти за ним, дышать вместе с ним. И когда оно тебя понимает, как, мне кажется, это произошло в Малом театре, приходит радость.

– Сейчас нужно восстановить спектакли, которые пройдут в связи с десятилетием театра "Мастерская Петра Фоменко". Это тяжело?

– Не думаю. Из старых спектаклей регулярно играют только "Волки и овцы". "Двенадцатая ночь" и "Приключение" приостановились. "Владимир III степени", который возник на втором курсе, ребята перестали играть, наверное, года два назад. Но эти работы живут внутри ребят. Это не просто спектакли, это часть нашей биографии, огромный кусок жизни. Мы про-